

За последние пару дней образ Шэнь Фана как «ветреного повесы» рушился в глазах Шэнь Цинчи уже трижды. Теперь он и вовсе начал подозревать, что настоящий Шэнь Фан, пожалуй, в своей жизни даже не заводил романтических отношений.

При этой мысли в его голове одновременно всплывали образы: «идеальный домашний мужчина, который прекрасно готовит», «глава семейства, который переживает, не замерзнет ли младший родственник, и втихаря помогает укрыть его одеялом», «чистый, невинный старый холостяк, который путается в словах и не решается произнести вслух словосочетание „нижнее белье“»...

Шэнь Цинчи не удержался и бросил на собеседника пару взглядов. Судя исключительно по внешности, суть Шэнь Фана разгадать было мудрено — свою истинную сторону он показывал лишь тет-а-тет, вдали от чужих глаз.

Выходит, теперь он, Шэнь Цинчи, единственный человек, которому известен этот «секрет»?

Осознав собственную исключительность, Шэнь Цинчи невольно возгордился и, в отличном настроении вызвавшись добровольцем, пошел мыть посуду. Когда же он вышел из кухни, то услышал слова Шэнь Фана:

— Доставка грецких орехов прибыла. Они прямо у входа, сходи заberi.

Шэнь Цинчи слегка засомневался, подумав: разве Шэнь Фану не нужно лично проверять товар? Почему он отправляет его?

Пока он колебался, тот добавил:

— Заодно вынеси мусор, и вот еще что: не забудь почистить пепельницу на балконе.

На лице юноши запечатлелось полное недоумение, однако Шэнь Фану, казалось, пришлось по душе такая реакция — уголки его губ изогнулись в лукавой усмешке:

— Играть роль так до конца. Не забывай, ты здесь отбываешь наказание, так что командовать тобой — вполне в порядке вещей.

Шэнь Цинчи встретился с ним взглядом и неожиданно задумался всерьез. Спустя мгновение он кивнул:

— Дядя прав, я понял.

У него просто не хватило духу разоблачить кое-кого, кто еще полчаса назад за обеденным столом заявлял: «Хочешь чего-нибудь поесть — скажи мне, я приготовлю». И пойдй теперь

разбери, кто кем на самом деле командует.

А дядя-то злопамятный. Подума подумаешь, пошутил над ним с нижним бельем.

В романе было написано, что перед посторонними Шэнь Фан ведет себя «развязно и гадко». Похоже, из всего этого по-настоящему правдивой оказалась лишь «гадость» — он ведь и правда намеренно накормил его жутко острой лапшой не без злого умысла.

Впрочем, ничего страшного. По сравнению со злодеяниями клана Шэнь, эта мелкая вредность Шэнь Фана казалась чуть ли не проявлением нежных чувств.

Шел второй день их общения, и Шэнь Цинчи уже успел раскусить подноготную своего «младшего дядюшки» процентов на семьдесят-восемьдесят. Он решил подыгрывать чужим розыгрышам — в конце концов, Шэнь Фан был одним из немногих персонажей, к которым он испытывал симпатию, да к тому же являлся его постоянным источником средств к существованию.

Шэнь Цинчи привел в порядок пепельницу, вынес на улицу мусор и, стоило ему поднять голову, как он действительно заметил кого-то, ждущего в тени деревьев. Заметив его появление, тот протянул ему пакет.

Внутри лежала пара грецких орехов, а также приспособления для ухода за ними.

Шэнь Цинчи не слишком разбирался в подобных вещах и не мог принять товар для Шэнь Фана, поэтому просто поблагодарил курьера и проводил его. Он уже собирался повернуться и вернуться обратно, как боковым зрением уловил мелькнувшую тень, которая в мгновение ока растворилась в воздухе.

...Да ладно.

Когда он только вышел на улицу, его уже не покидало какое-то смутное чувство тревоги, будто за ним кто-то наблюдает. Неужели за ним и правда следят?

Шэнь Цинчи поспешно вернулся в дом, плотно закрыл дверь и с напряженным лицом обратился к Шэнь Фаню:

— Дядя, мне только что показалось, будто кто-то прячется возле твоего дома, ведет себя подозрительно.

Шэнь Фан понял его с полуслова. Он поднялся, подошел к окну, раздвинул жалюзи на ширину узкой щели и выглянул наружу.

С этого ракурса как раз отлично просматривалось направление у главных ворот.

Посмотрев пару мгновений, он слегка прищурился и поманил Шэнь Цинчи пальцем:

— Подойди.

Шэнь Цинчи приблизился и выглянул наружу через оставленную щель. Он увидел, как какая-то фигура вынырнула из-за декоративной клумбы и, озираясь по сторонам, принялась... рыться в мусорном контейнере.

Судя по одежде, этот человек был одним из телохранителей, которых нанял Шэнь Цзин.

У Шэнь Цинчи тут же мурашки побежали по коже, лицо немного посветлело, и он дрожащим голосом произнес:

— Как они увязались за мной сюда...

Так вот почему Шэнь Фан даже не курит, а все равно зажигает сигареты — боялся, что обнаружат отсутствие окурков в мусоре?

— Слежка? Дело привычное, привыкнешь, — невозмутимо отозвался Шэнь Фан. Он отпустил жалюзи, вернулся на диван и стал разливать по чашкам только что заваренный чай. — Попробуй-ка, свежий чай этого года.

— Дядя, — Шэнь Цинчи не обладал его олимпийским спокойствием и поспешно придвинулся ближе. — Ты же говорил, что Шэнь Цзин уже несколько лет как прекратил за тобой следить?

— Следить за мной? — Шэнь Фан приподнял бровь и рассмеялся. — Ты ошибаешься. Следят вовсе не за мной, а за тобой.

— Чт... что?

— Шэнь Цзин ни за что не отпустил бы тебя просто так. Разумеется, он приставил к тебе людей: если бы у меня тебе жилось слишком сладко, это неизбежно вызвало бы у него подозрения.

— Так вот почему ты заставил меня выносить мусор? Оказывается, это было представление для них? — на лице Шэнь Цинчи проступило выражение внезапного озарения. — Но откуда ты узнал, что они уже сели нам на хвост?

— Вокруг этой виллы установлено множество скрытых камер. С того самого момента, как они

приблизились, каждый их шаг находится под моим контролем. — Шэнь Фан развязал бумажный пакет, который принес Шэнь Цинчи. — Я уже говорил: в моем доме абсолютно безопасно, и любая опасность, которую ты видишь, допущена мной намеренно. Пока ты делаешь то, что я говорю, и не предпринимаешь самостоятельности, никаких проблем не возникнет.

Шэнь Цинчи облегченно выдохнул.

Похоже, Шэнь Фан оказался куда надежнее, чем он думал.

То, что Шэнь Цзин пошлет кого-то следить за ним, входило в его расчеты, но ему следовало изображать испуг — в конце концов, его ампула гласило: «не то чтобы совсем глупый, но и не слишком умный младший молодой господин из клана Шэнь».

Шэнь Фан неторопливо потягивал чай, некоторое время повертел в руках ту пару грецких орехов, оценивая их на ощупь, а затем положил перед Шэнь Цинчи:

— Ну что, можешь приступить.

Шэнь Цинчи опешил:

— Серьезно... мне нужно крутить орехи в руках?

— Разумеется. Ты же не думал, что я шучу? — Шэнь Фан откинулся назад, полностью завалившись на спинку дивана. — Ради твоего спасения я расколотил орехи, которые крутил целых шесть лет! Убыток колоссальный, до сих пор сердце кровью обливается. Если ты не подготовишь мне новую пару взамен, как это дело вообще можно будет замять?

Шэнь Цинчи посмотрел на него: говоря это, тот улыбался в уголках рта, и в нем не было ни намека на то, что у него «сердце кровью обливается».

Кто знает, может, он в душе был рад до безумия. Ведь те орехи прислал Шэнь Цзин, и Шэнь Фан, должно быть, испытал чистейшее удовольствие, разбив их вдребезги.

А эта новая пара даже не побывала в руках Шэнь Цзин — это «чистые» орехи.

Шэнь Цинчи прекрасно понимал, что на уме у этого мужчины, но внешне был обязан подыгрывать спектаклю. Он покрутил в пальцах орехи, долго разглядывал их с видом полного тупика и наконец бросил на собеседника умоляющий взгляд:

— Но я совершенно не умею их крутить... Может... дядя, научишь меня?

— С удовольствием, — это предложение пришлось Шэнь Фаню как нельзя кстати. Он охотно согласился и протянул юноше жесткую щетку. — Бери это и хорошенько пройдишь по всей поверхности орехов, прочисти каждую трещинку.

Шэнь Цинчи посмотрел на бугристую поверхность грецких орехов и подумал: при таком количестве углублений сколько же времени уйдет на то, чтобы всё вычистить? Неужели возня с этими орехами такая заморочная?

Мысленно ворча, он принялся за дело. Не успел он сделать и пары движений, как Шэнь Фан цыкнул и нахмурился:

— Сильнее налегай. Ты что, щекочешь их?

Шэнь Цинчи поспешно приложил больше усилий, но Шэнь Фан все равно остался недоволен:

— Еще сильнее.

Куда уж сильнее...

Шэнь Цинчи вложил в это дело все свои силенки. Шэнь Фан разглядывал его добрую минуту, но брови так и не разгладились, и, казалось, исчерпав запас терпения, он произнес:

— Я сказал — чисти, а не гладь. Вот так.

Собираясь показать наглядный пример, он протянул руку и накрыл ладонь Шэнь Цинчи, поверх нее сжав пальцы на ручке щетки, и принялся тщательно вычищать узоры на орехе:

— Примерно с таким усилием надо. Ты...

На полуслове Шэнь Фан внезапно осекся, будто сообразив что-то. Он мгновенно разжал ладонь, с легким смущением потер кончик носа и забормотал:

— Эм... прошу прощения.

Шэнь Цинчи поднял голову и удивленно моргнул:

— За что извиняешься?

А сам подумал: до чего же дядя невинный, делов-то — за руку подержал!

Искреннее недоумение на его лице выглядело донельзя правдоподобно, словно он действительно ни о чем таком не помышлял. Шэнь Фан поглядел на него еще немного, не заметил никаких подвохов и с еще большим смущением отвел глаза.

Тепло чужой ладони, казалось, все еще оставалось на коже. Непонятно почему, хотя контакт длился всего несколько секунд, ощущение вышло на редкость отчетливым. Рука Шэнь Цинчи оказалась намного меньше его собственной — ее можно было почти целиком укрыть в своей ладони, пальцы тонкие, словно лишенные силы. Если сжать покрепче, вырваться мальчишке вряд ли удастся.

Погодите-ка, о чем это он вообще думает...

Сообразив, что его мысли свернули куда-то не туда, Шэнь Фан спешно переключил внимание. Как-никак, Шэнь Цинчи приходился ему племянником — пусть и не кровным, но они столько лет состояли в родственных отношениях. Если он начнет распускать руки перед Шэнь Цинчи, разве это не смахивает на домогательства подонка?

К тому же этот ребенок совершенно не умел защищаться, он пугающе наивен и чист, и понятия не имеет, в какой опасной ситуации очутился. Если он выкинет по отношению к нему что-то выходящее за рамки дозволенного, его загрызет чувство вины.

Шэнь Фан был уверен: хоть репутация у него в миру и дурная, в душе он все-таки оставался человеком и не опустился бы до подлых замашек, чтобы воспользоваться положением племянника. Поэтому он кашлянул и сменил тему:

— Ничего. Я к тому... что делать надо так, как я только что показал.

— Вот так? — Шэнь Цинчи снова опустил голову и принялся старательно и аккуратно чистить орех. — Откуда тут столько пыли? Они что, испорченные?

— Нет, — Шэнь Фан протянул ему другую щетку, с мягким ворсом. — Смахни ею пыль.

Шэнь Цинчи послушно исполнил указание. Шэнь Фан смотрел, как тот сосредоточенно возится с очисткой орехов, и невольно вздохнул про себя.

Этот парень совершенно не умеет выстраивать защиту. С таким характером останься он у Шэнь Цина — отец с сыном живо сглодали бы его со всеми потрохами.

А этот нацелившийся на него Чжоу Ванъянь, помимо того, что планировал присвоить его личность, глядишь, выкинул бы с ним еще какие-нибудь штучки похуже. Нравы в клане Шэнь издавна были именно таковыми — гнилыми до мозга костей, и он сам не исключение.

В глазах Чжоу Ванъяня столь послушный, красивый и мягкий юноша идеально подходил на

роль птички в золотой клетке, которую можно запереть под замок.

Шэнь Фан отвел взгляд от Шэнь Цинчи, поднялся с места, намереваясь немного остыть, но тут услышал:

— Дядя, я...

Шэнь Цинчи замялся на полуслове. Шэнь Фан обернулся:

— В чем дело?

— Я хотел спросить... — Шэнь Цинчи прикусил губу, словно собираясь с духом. — Насчет уведомления о зачислении — как именно ты собираешься поступить? Ах... я вовсе не хочу ставить под сомнение твои действия, и понимаю, что так донимать тебя расспросами крайне невоспитанно, но... но для меня это дело слишком важно. Прости меня.

Он суетливо принялся оправдываться, словно смертельно боясь нарваться на нагоняй, его голос едва заметно дрожал, и он даже не смел поднять на него взгляд.

Шэнь Фан молча смотрел на него. Лишь спустя долгое время он едва слышно вздохнул. Внезапно в памяти всплыл котенок, которого он подобрал когда-то в дождливый день — тощий, кожа да кости, насквозь промокший. Стоило ему поднять его одной рукой, как малыш, хоть и дрожал от страха, изо всех сил тянулся к нему, выпрашивая еды.

Стоило ему дать крохе немного пищи, как котенок тут же расслабился, замурчал, позволил вымыть себя без единого писка и полностью отдал свою судьбу в его руки.

Маленькие живые существа всегда так наивны.

Шэнь Цинчи ничем от них не отличался.

И тогда он произнес:

— Тебе вовсе не обязательно так унижаться. Уведомление о зачислении изначально принадлежало тебе, баллы на экзамене заработал ты сам, и поступать в университет — твое законное право. Я просто делаю всё возможное, чтобы оказать тебе посильную помощь и вернуть то, что по праву твое. Полагаю, любой человек, у которого осталась хоть капля совести, поступил бы так же.

С этими словами он снова опустился на диван, а на его губах заиграла улыбка:

— Что до плана, то он у меня действительно есть. Причем он не только поможет вернуть твое уведомление, но и заставит Чжоу Ванъяня хлебнуть лиха. Хочешь послушать?

<http://bllate.org/book/21917/2277173>